

ЛИДИЯ ФОМЕНКО

ЧЕРТЫ ВРЕМЕНИ

b

ЛИДИЯ ФОМЕНКО

ЧЕРТЫ ВРЕМЕНИ

ИДЕИ И ХАРАКТЕРЫ В ПРОЗЕ 60^х ГОДОВ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • МОСКВА ~ 1970

Москва, 2-433. Б. Рыбаков 10
код. №. 32 Богданов Г. А.

С ВЕРНЫМ

С. МАШИНСКИЙ

ИДИЯ ФОМЕНКО назвала свои статьи обзорами, и это жанровое обозначение, возможно, не очень точно. Есть в ее статьях и элементы обзора, но в целом они написаны в свободной, раздумчивой манере, близкой к тому, что принято называть не вполне ясным словом «эссе». Впрочем, при нашей привычной необязательности в жанровой и всякой иной литературоцерковской терминологии в конце концов не так уж и важно, как именуется предложенное нам сочинение, было бы оно добротно и полезно...

Книга Л. Фоменко стройна и целостна по своей структуре. В ней четыре раздела, и каждый из них имеет свой главный нерв и связан с определенным этапом истории нашего общества. Каждый исторический отрезок времени отражается в искусстве какими-то характерными приметами художественного сознания. Отсюда название книги — «Черты времени». В ней прослеживается, как литература одного десятилетия оказывается способной уловить исторические приметы времени — того, в котором действует герой, но также и того, в котором он обрел свою литературную жизнь. Этот двойной угол зрения очень важен, и эстетически он себя оправдал.

Первый и, пожалуй, самый обширный раздел книги («Из прошлого — в будущее») посвящен созданию в художественной литературе последнего десятилетия образов В. И. Ленина и его соратников.

Л. Фоменко не просто разбирает отдельные романы или повести. Она их сопоставляет — иногда по сходству художественного решения, иногда по контрасту, пытается выследить в каждом из занимающих ее произведений те элементы духовного склада героя, в которых с наибольшей отчетливостью воплотились современные им «черты времени».

Отличительная и, я бы сказал, симпатичная особенность этой книги состоит в том, что она начисто лишена того «императивного» диктата, которым порой страдают иные наши критические работы. Автор ее не категоричен в своих утверждениях, он лишь вслух размышляет и как бы приглашает читателя принять участие в своих раздумьях. И эта лирически раздумчивая, доверительная интонация письма подкупает читателя, настраивает в пользу автора и его взглядов. А между тем они, эти взгляды, выражены вполне определенно. У Л. Фоменко есть свое отношение к каждому произведению, о котором она пишет, ее оценки тех или иных литературных явлений конкретны и отчетливы. Однако она не «давит» на сознание читателя своим знанием материала, тяжестью аргументов, логикой своих доводов, а воздействует на него больше эмоционально, спокойным и непредвзятым тоном повествования. В известном смысле критическая проза Л. Фоменко, возможно, в чем-то сродни прозе художественной, в которой она с некоторых пор стала успешно заявлять о себе.

Книга «Черты времени» посвящена литературе минувшего десятилетия. Критик извлекает из обширного литературного потока интересующие его явления, систематизирует их и делает предметом своего изучения.

Второй раздел книги («Идет война народная») посвящен произведениям о Великой Отечественной войне. Л. Фоменко справедливо замечает, что отличительная

ПРИЦЕЛОМ

Книга о литературе минувшего десятилетия

особенность военной прозы 60-х годов состоит в стремлении писателей исторически и психологически глубже осмысливать и сами события военных лет, и, что сейчас особенно важно, нравственные источники человеческого подвига на войне.

История незримыми нитями связана с современностью. Эта истинна, ставшая от бесконечного ее повторения тривиальной, однако же, обретает как бы свой исконный смысл в повествовании Л. Фоменко — потому что обе временные плоскости постоянно пересекаются в ее анализе и живут едино и нерасторжимо. Произведения, посвященные изображению истоков народной революции и Отечественной войны, обращены к сегодняшнему дню. Книги о нынешней жизни советского человека так или иначе связаны с историческими источниками нашего современного общественного бытия. Умение критика осмысливать эти «встречные потоки» и эстетически их осмысливать придает исследованию то, что мы называем духом историзма. Вот почему вторая половина книги Л. Фоменко, в которой рассматриваются произведения 60-х годов о нашей современности, органически сливается с первой ее частью, анализирующей произведения о событиях, ставших историей.

Я уже говорил о композиционной целостности этой книги. Отдельные ее части появились в разное время на страницах периодики как самостоятельные статьи. Но автор не просто собрал вместе некогда разрозненные статьи — он вдохнул в них новую жизнь. И получился не сборник статей, чего так ужасно почему-то не любят наши издатели (хотя это тоже полноправный жанр критической книги), а цельное, пронизанное сквозным стержнем исследование.

А стержень его — нравственный опыт советского человека. В своей книге критик рассматривает, как этот опыт формировался в борьбе за победу Революции, как он обогащался в годы войны с гитлеровской Германией и, наконец, какую эволюцию он претерпевает в нынешних условиях.

У Л. Фоменко, как и у каждого критика, есть свой пристрастия: одних писателей она почитает больше, других — меньше. Но вот что примечательно: о тех и других она пишет всегда доброжелательно. И даже тогда, когда видит серьезные просчеты у иного сочинителя, она отмечает их с тем обезоруживающим тоном и, я бы сказал, интеллигентным достоинством, которое оказывается в педагогическом отношении куда более высокомерных назиданий или уничижительных насмешек.

Книга Л. Фоменко обнаженно публицистична. Суждения о литературе то и дело перемежаются в ней с раздумьями о самой жизни. И эти два ряда постоянно взаимодействуют, образуя некое единство электрическое поле. Особенно интересен в этом отношении последний раздел книги («Не стоит село без труженика»), в котором рассматриваются некоторые существенные явления нашей деревенской прозы. Интересен тем, как естественно совмещаются в нем язык эстетики и языки социологии и публицистики и как второе обогащает первое.

Я еще ничего не сказал о недостатках этой работы. Чтобы меня не заподозрили в том, что я их не заметил или намеренно скрыл, — скажу и о них. Да, встречаются здесь соображения, которые вызывают на спор или желание возразить автору — особенно в конкретных

„Л. Рогинъ“ 12 III. Н

ЛИДИЯ ФОМЕНКО ЧЕРТЫ ВРЕМЕНИ

Лидия Фоменко. «Черты времени. Идеи и характеры в прозе 60-х годов». Издательство «Советский писатель». 1970. 296 стр. 82 коп.

или Достоевского? А может быть, эта форма — достояние всех классиков, совокупно взятых? Еще фраза — уже совсем другого типа: «Но вот пришла война — и она втянула в свое историческое мышление даже таких людей, как Пастухов». А разве война может иметь мышление — историческое или какое-либо другое? Впрочем, такого рода оговорки — думается, скорее всего издержки саморедактуры, которая, возможно, могла бы быть более придирчивой и строгой.

Достоинство книги Л. Фоменко — в широте восприятия современного литературного процесса. Автор свободно распоряжается огромным художественным материалом. Но достоинство это порой оборачивается недостатком, сказывающимся в чрезмерной беглости и торопливости изложения. Иные рассуждения автора хотелось бы видеть более развернутыми и основательнее подкрепленными теоретическими обобщениями...

Словом, какую хорошую книгу не мечталось бы видеть еще лучшей! Главный же итог нашего разговора состоит в том, что сложные процессы минувшего литературного десятилетия осмыслены Лидией Фоменко содержательно и интересно. Ее книга — не регистратор, а солдат, горячо заинтересованный в судьбах нашей современной литературы, с верным эстетическим прицелом воюющий за ее дальнейшее совершенствование.

оценках отдельных произведений, оценках, которые иной раз кажутся чересчур благостными. Натыкаешься и на отдельные неточные повороты мысли, и на недостаточно обоснованные формулировки.

Говоря, например, о романе «Танки идут ромбом», Л. Фоменко замечает, что Ананьев возвеличил русского советского воина и «спел ему «осанну», без ложной патетики, в форме классического реализма». Естественно, такая фраза возбуждает соблазн спросить: а что это, собственно, за универсальная и крайне загадочная «форма классического реализма»? У кого из великих писателей прошлого она обнаруживается — у Пушкина или у Гоголя? У Толстого